

ПЛОТИН — ГНОСТИК?

Рец. на: Mazur A. J. The Platonizing Sethian Background of Plotinus's Mysticism. Leiden: Brill, 2021. 337 p.

IS PLOTINUS A Gnostic?

Rev. of: Mazur A. J. The Platonizing Sethian Background of Plotinus's Mysticism. Leiden: Brill, 2021. 337 p.

Этот провокационный и даже скандальный вопрос вполне может возникнуть после знакомства с вышедшей недавно монографией А. Мазура, посвященной новому прочтению наследия великого философа в свете современных исследований гностического корпуса. Но обо всем по порядку.

В последние годы на Западе появляется все больше трудов, направленных на пересмотр устоявшихся представлений о поздней Античности. Во многом это связано с постоянно расширяющимся полем изучения гностицизма, уже давно вышедшем за пределы интереса лишь к девиантной религиозности. Пересмотр представлений о том, чем являлся гностицизм, приводит к переоценке его влияния, которое оказывается очень широким и не ограничивается ранним христианством. Примером такого подхода является книга Александра (Зеке) Мазура «Платонизированно-сифианский фон платоновского мистицизма», вышедшая в 2021 г. в престижной академической серии «Исследования Наг-Хаммади и манихейства» издательства Брилль.

У этой книги необычная судьба. Ее текст представляет собой отредактированный вариант диссертации, защищенной в 2010 г. в Чикагском университете, сам Мазур не дожил до момента публикации — он умер значительно раньше, в 2016 г. Диссертация уже на момент защиты была сочтена значительным вкладом в современные исследования соотношения гностицизма и неоплатонизма. Мазур планировал опубликовать текст, но скорая кончина не позволила сделать этого. В 2017 г. группа ведущих специалистов по поздней Античности, включавшая Джона Тёрнера (1938–2019), также умершего в процессе подготовки рукописи, Жана-Мерка Нарбонна и координатора проекта Дилана Бёрнса, задалась целью завершить этот труд — так и появилась книга. Столь серьезное внимание к тексту обычной диссертации совсем не случайно. Монография А. Мазура, безусловно, является событием не только для исследований гностицизма и неоплатонизма, но и для религиоведения в целом. Убедиться в этом совсем не сложно, достаточно лишь ознакомиться с ее содержанием.

Формально текст состоит из пяти глав. Первая глава, являющаяся также и Введением, называется «Гностический фон платиновского мистицизма» и посвящена ключевой проблеме исследования. По общему мнению, Плотин был яростным противником гностицизма, серьезно настроенным против него, и даже посвятил полемике известный трактат II.9, но в то же время он на удивление безразлично относился ко всем иным религиозным группам своего времени. Благодаря этому сложилась традиция воспринимать платиновскую философскую систему как антидот против гностического обскурантизма, эта идея до сих пор имеет хождение в среде христианской критики. Концепция Платина играет огромную роль не только для истории философии или истории идей, на ней во многом покоится история религии. По замечанию Мазура, неоплатонические концепции в современном религиозном дискурсе укоренены столь глубоко, что «практически каждое представление о “духовности” сознательно или бессознательно опирается на язык и концепции, которые можно проследить либо непосредственно до Платина, либо косвенно до него через позднеантичных языческих и христианских толкователей, таких как Порфирий, Августин и Псевдо-Дионисий» (с. 1).

Наиболее проблемным моментом, ставящим под вопрос картину полного антагонизма между Платином и гностиками, является его ключевое представление о достижении слияния с Единым. Для Платина этот процесс был совсем не метафорой, а трансформирующим событием, знакомым по личному опыту. Мазур подчеркивает, что слияние с Единым обеспечивает не просто личный дар или психологическая способность, его дает систематическая техника, которой можно обучиться. Сходную практику мы встречаем и в основополагающих гностических текстах. Проблемность ситуации добавляет тот факт, что гностики были современниками Платина, получившими образование в рамках той же платоновской традиции. Как известно благодаря Порфирию, основополагающие тексты гностической апокалиптики «Зострианос» и «Аллогенос» имели широкое хождение в платиновском кругу и активно критиковались. Как мы теперь знаем благодаря открытиям Наг-Хаммади, именно в них описывается опыт небесного восхождения визионера, чьей целью является достижение мистического единения. Согласно Мазуру, «трактаты платонизированного сифианства содержат подробные разработки сложной техники “интериоризированного” — или, скорее, созерцательного — ритуального восхождения, структура которого вбирает в себя структуру восхождения, скрытую в трактатах Платина» (с. 11). Таким образом, платиновская практика достижения Единого должна рассматриваться в современном ему религиозном контексте, оформленном прежде всего гностической мыслью. По мнению Мазура, такая перспектива рассмотрения платиновского корпуса является еретичной для классической академической философии прежде всего потому, что размывает принятую как данность границу между настоящей интеллектуальной философией и сомнительными, с общепринятой точки зрения, гностическими учениями и, что еще хуже, философским интеллектуальным созерцанием и религиозными ритуальными практиками. Следствием этого сближения становится второй аспект вызова ортодоксии. Обычно историки сходились на мнении, что Плотин лишь один раз всерьез столкнулся

с гностами, когда под влиянием их трактатов в его школе произошел кризис, который был разрешен Плотинем, разоблачившим иррационалистический нигилизм и антикосмический пессимизм гностиков, противопоставив им свою философию. Даже основной корпус его сочинений был написан для того, чтобы предохранить учеников от гностического влияния. Мазур убежден, что влияние гностиков на Плотина было значительно большим, вплоть до того, что «очень трудно провести различие между существенными структурами платиновской и гностической мысли» (с. 15). Чтобы пояснить свой взгляд на взаимоотношение гностиков и Плотина, Мазур предлагает следующую метафору: «Платонизированные сифиане не родители и не дети Плотина, они скорее его двоюродные, а может, и родные, но разлучённые в детстве, братья и сестры» (с. 24).

Последующие главы книги полностью посвящены скрупулезнейшему обоснованию этих утверждений. Так, вторая глава анализирует структуру платиновского восхождения к Единому. Как уже упоминалось выше, для Мазура этот процесс — дорожная карта достижения мистического единения. Здесь он старается доказать, что «Плотин представлял этот процесс в самом общем виде как интериоризацию, рефлексивное путешествие внутрь себя и в то же время, как это ни парадоксально, за пределы себя» (с. 26). Поскольку Плотин не оставил единого описания этого процесса, то анализ системы восхождения у Мазура превращается в ее реконструкцию. В ходе этого он выделяет следующие фазы:

1) катарсис — очищение, уничтожение всего процесса мышления, всех знаний, по Мазуру, «его окончательный аферезис парадоксальным образом представляет собой фактическое уничтожение прогрессирующего отождествления с умопостигаемым миром, которого ранее нужно было достичь с помощью диалектической практики и других, возможно, недискурсивных, способов созерцания» (с. 29);

2) мистическое откровение Высшего Я — после процесса очищения человек призван обратиться внутрь себя к истинному ядру своего Я (Мазур замечает, что на этом этапе у Плотина в языке возникают эротические коннотации, далее играющие всё большую роль);

3) аутофания — это непосредственное созерцание своего Высшего Я, порой описываемое в терминах фотизмов, в процессе этого созерцания субъект порой уже предвосхищает видение Единого, описания здесь становятся почти апофатическими;

4) единение с собой — процесс объединения созерцающего субъекта со своим Высшим Я;

5) аннигиляция — обретенное в процессе путешествия внутрь себя единство не является желаемой целью, поскольку наивысшей задачей является слияние с Единым, поэтому следующей фазой становится отрицание своего Высшего Я;

6) единение — кульминационный этап мистического восхождения, в котором субъект становится идентичен Единому, здесь язык описания становится наиболее метафоричным и обретает еще большие эротические элементы. Мазур отмечает, что на этом этапе должна произойти десубъективизация, т. е. субъект исчезает и остается лишь объект — Единое, которое в свою очередь может созерцаться кем-то еще, но не достигшим единения субъектом.

В третьей главе делается попытка связать систему платиновского восхождения к Единому с процессом онтогенеза. Целью здесь становится доказательство того, что «заключительные фазы мистического восхождения неслучайно совпадают с первыми моментами изначального онтогенеза, то есть с процессом, посредством которого Единое порождает Бытие и Ум» (с. 63). Для интерпретаторов Плотина с определенного момента немалым затруднением стал язык процесса онтогенеза, предполагающий поэтапное излияние Единого с образованием Ума и Мировой души. Согласно общей идее Плотина, онтогенез не темпорален, и последовательность ипостасей нужно понимать в логическом, а не хронологическом ключе. Иными словами, излияние Единого — постоянный процесс, а не точка сингулярности Большого взрыва. При пристальном изучении платиновского онтогенеза Мазур выделяет две аксиомы: между Единым и Умом нет и не может быть никаких промежуточных звеньев, ипостаси не сливаются и не пересекаются друг с другом; в Едином отсутствует движение, оно не способно изменяться, направляя свою волю куда-либо. Эти аксиомы делают трудноразрешимой одну из главных загадок платиновской системы: как Единое может производить что-то кроме самого себя? Мазур подробно разбирает все возможные вариации разрешения этой проблемы, например доктрину двух энергий, и в итоге склоняется к мысли о том, что учение Плотина имеет «двойное дно», а именно: что Плотин предполагал наличие континуума, связующего Единое и Ум, но при этом формально запрещал даже мысль о такой возможности. Такая перспектива превращает платиновскую систему из эксплицитного учения в набор хитрых ходов, направленных на скрытие истинной логики процесса онтогенеза. Причиной такого поведения Мазур объявляет наличие хорошо известного современникам Плотина контекста, порожденного большим корпусом гностических сочинений, в которых онтогенез принципиально описывается через модель континуума открывающих себя эонов. Иными словами, Плотин намеренно хотел дистанцироваться от гностиков и поэтому запутывал свои тексты, чтобы никто не мог предположить близости между ними. Но эта близость становится заметной при сопоставлении онтогенеза и субъективного процесса достижения мистического единства, в деталях проведенного Мазуром.

Логически следующая из предыдущих четвертая глава развивает идею о связи Плотина и гностиков через обращение к рассмотрению аналогичных гностических систем. Основой для анализа становится сифианский гностицизм, считающийся ныне многими формой протогностицизма — именно его кругам и принадлежали «Зострианос» и «Аллогенос». При сопоставлении двух систем не может не бросаться в глаза их очевидное различие. Если у Плотина практика восхождения и онтогенез включены в систему философской рефлексии, направленной на разрешение метафизических вопросов, то у гностиков сходные идеи имеют сугубо ритуальное значение и являются инструкциями тем, кто желает опытно достичь познания высших миров. Уже по самой форме эти трактаты повествуют о личном опыте восхождения. Кроме того, гностики намеренно умножают количество посредников между различными уровнями бытия, в то время как Плотин делает все, чтобы этого избежать. В остальном же гностические системы оказываются близки платиновской, во многих местах эта близость столь

сильна, что говорить о случайном сходстве становится невозможно, что приводит Мазура к выводу об их идентичности. В особенности показательным это становится при рассмотрении субъективного пути восхождения к высшим сферам, ведь обращение к самому себе, раскрытие Высшего Я, является основной темой всей гностической литературы, причем касается это не только сифиан, но и валентиниан, и тех гностиков, что стояли за «Евангелием от Фомы». Проведя анализ сифианских текстов и соотнеся их с идеями Плотина, Мазур приходит к выводу, что «структурное сходство между платоновским и сифианским визионерским вознесением, скорее всего, объясняется тем фактом, что они имеют общее происхождение от определенных течений гностической мысли, существовавших в Александрии в конце второго и начале третьего веков, где Плотин получил образование, а сифианские трактаты, о которых идет речь, вероятно, были написаны» (с. 144). При этом Мазур вовсе не пытается сделать из учения Плотина квазирелигиозную систему, ровно наоборот, он стремится вписать гностическую мысль в историю философии. По его мнению, идеи мистического самопознания берутся гностиками из традиции античной философии, восходящей еще к максиме дельфийского оракула, а именно из Платона, Аристотеля, стоиков, просто, в отличие от акцента на их метафизическую рефлексию, гностики превращают самопознание в ритуальную практику. Согласно Мазуру, особую роль для гностиков сыграла стоическая психология, которую они «преобразовали в хорошо разработанную схему, объединяющую сотериологию и трансцендентальную эпистемологию» (с. 205).

В последней главе книги, которая служит одновременно и выводами, Мазур пытается восстановить историческую связь между Плотинем и ранними гностиками. Кратко логику его рассуждений можно выразить следующим образом. Молодой Плотин, обучаясь в Александрии у Аммония Саккаса, получил вовсе не ортодоксально платоническое образование, а впитал в себя смесь платоническо-гностических идей и на практике испытал гностические ритуалы восхождения к Плероме, но в какой-то момент, по неизвестным причинам, разочаровался в этой традиции и, переехав в Рим, сконструировал себе новую ортодоксально платоновскую идентичность, лишенную гностического элемента. Именно поэтому он так настоятельно не желал рассказывать о своем прошлом, а когда гностики, благодаря прибытию в его школу ученика, проникнутого христианским гностицизмом (Мазур видит в этом человеке самого Порфирия), вновь появляются в его жизни, он с таким жаром атакует их, во многом опасаясь, что в его доктрине будут найдены тщательно скрываемые следы гностицизма. В пользу такой радикальной точки зрения обнаруживается немало косвенных свидетельств. Это и данные из жизни Плотина, сообщаемые Порфирием, например элитарный характер школы Саккаса, ее закрытость от непосвященных и принципиальность устной традиции, что сильно напоминает гностическую группу. Это и обрывки данных о системе другого ученика Саккаса, Оригена, но не христианского автора, а языческого философа, учившегося вместе с Плотинем. Свидетельствуют в пользу этого и биографические детали жизни самого Аммония, который, будучи рожден христианином, обратился в язычество. Мазур предполагает, что его христианство вполне могло быть гностическим. Любопытно и то, что Плотин по-

кидает Александрию во время развернувшихся там антихристианских погромов, которые потом продолжились в декиевом гонении 250 года — такое совпадение дает определенную пищу для размышлений. Все эти рассуждения приводят Мазура к мысли, что платонизм третьего века до Плотина вряд ли верно рассматривать как отделенную от гностических элементов традицию, ведь интеллектуальная жизнь тех лет была столь богатой, что границы между классическими философскими школами стерлись, а христиане вместе с язычниками, получавшие в них образование, лишь способствовали развитию интеллектуального диалога. Такая картина дает основание утверждать, что «Плотин впервые получил образование в среде, в которой традиционное философское обучение — будь то платоновское, стоическое или аристотелевское — гармонично сосуществовало с обучением гностической сотериологии и ритуальной практикой» (с. 256). Причем под ритуалами Мазур понимает здесь вполне конкретную психотехнику, подразумевающую дыхательные практики и упражнения по визуализации.

Подводя итог, заметим, что книга Мазура предлагает не просто смелый, а революционный взгляд на всю интеллектуальную историю поздней Античности и может дать основание для пересмотра истории религиозного мистицизма, христианской мысли, западного эзотеризма. Несмотря на всю скандальность, тезисы автора очень неплохо аргументированы. Мазур с удивительной скрупулезностью и мастерством работает с текстами Плотина и гностиков, добуквенно обосновывая свою теорию. Несмотря на это, читателя не покидает ощущение, что при всей фундированности труд Мазура является вчитыванием чрезвычайно интересной концепции в исторический материал. Причиной тому герметичность платиновского текста и действительно продвигаемое автором убеждение в том, что Плотин всеми силами хотел вытравить из своей системы гностические элементы, так что даже был готов оставить в ней нестыковки. Сама идея «двойного дна» в Эннеадах выглядит сомнительно и, несмотря на все аргументы автора, недостаточно убеждает. Более всего обоснованным представляются рассуждения Мазура о том, что гностики были оригинальными интерпретаторами древней философской традиции, обладавшими гораздо большей степенью интеллектуальной свободы, по сравнению с современными им академическими философами.

Как бы там ни было, очевидно, что книга Мазура — этапное исследование соотношения гностицизма и неоплатонизма, и с нею обязан познакомиться каждый специалист и интересующийся темой читатель. Выдвинутые в книге тезисы нуждаются в серьезной верификации, а намеченные перспективы требуют развития. Жаль, что сам автор уже не сможет сделать этого.

Носачев Павел Георгиевич,
д-р филос. наук,
профессор ПСТГУ,
НИУ ВШЭ
Россия, г. Москва
pavel_nosachev@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0884-4705>

Pavel Nosachev,
Doctor of Sciences in Philosophy,
Professor,
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities;
National Research University
“Higher School of Economics”
Moscow, Russia
pavel_nosachev@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0884-4705>